

ОБ ИЛЬЕНКОВСКОМ ПОНИМАНИИ ПРОБЛЕМЫ ТАЛАНТА

Объяснение всему они и не станут искать ни в особой божественной благодати, ни в особой милости матери-природы. Все они скажут, что им просто "повезло". Посчастливилось попасть к людям, сумевшим привить им любовь (т.е. неодолимую потребность) к труду, к знаниям, к общению с другими людьми, к культуре высшего класса. К людям, которые сумели воспитать их так, что они испытывают удовлетворение от самой добротной сделанной работы, от самого процесса труда, от самого процесса овладения знаниями. А не от тех наград и поощрений, которые за это могут воследовать. Вот и вся тайна,

Э.В.Ильенков.

"Откуда берётся Ум?"

Пожалуй, у Э.В.Ильенкова нет такой работы, где бы так или иначе не обсуждались проблемы творчества - научного, художественного, этического. Формулируя каламбурно, можно сказать, что творчество - одна из центральных проблем творчества Э.В.Ильенкова. Говорю "одна из" только потому, что в прежних своих работах об Э.В.Ильенкове я называл "центральной" проблему всестороннего развития личности. На самом деле невозможно решить, что у него "центральнее" - личность или творчество. "Танцует" ли он, как от пресловутой "печки", от проблем становления личности - к проблемам творчества, или наоборот? Да и не столь уж это важно. Личность - это же субъект творчества, тот, кто способен творить; а способность творить - важнейшая характеристика полноценной человеческой индивидуальности, личности.

Общепризнано, что способность к какому бы то ни было творчеству предполагает наличие таланта. Если таланта нет - ничего путного не "сотворишь", как ни бейся. Поэтому обычно подразумевается, что талант, собственно, и есть - именно способность к тому или иному творчеству. Против этих наиболее общих утверждений, насколько знаю, никто не возражает.

О том же, что такое "гениальность" в отличие от "талантливости", и особенно о происхождении "талантливости" и "гениальности", спорят яростно, непримиримо и безнадежно, то есть без надежды в чём-либо убедить оппонента. Можно лишь

более-менее чётко определить свою позицию по этим вопросам, декларировать и сколь угодно детально, аргументированно обосновать её. Заставить же оппонента признать свою правоту - нечего и надеяться. Каждый так и останется при своём.

Наиболее распространённый взгляд на соотношение "талантливости" ("одарённости") и "гениальности" формулирует, например, Д.Л.Андреев: "Гениальность есть высшая степень художественной одарённости". ("Роза Мира", книга X, глава 1.) К этой банальной фразе позиция Д.Л.Андреева, разумеется, не сводится. Но мне здесь важна не оригинальность его позиции, а именно её банальная основа, очень многими признаваемая в качестве бесспорной, само собой разумеющейся, никакому сомнению не подлежащей: понимание "гениальности" как высшей, предельной степени "талантливости". И не только в области художественного творчества, конечно. Далее Д.Л.Андреев перечисляет "...гениальность научную, гениальность государственную, гениальность художественную, гениальность... религиозности" и даже "гениальность тиранствования". (Там же, кн. XI, глава 3.) Главное, в чём бы "гениальность" ни проявлялась, она "есть высшая степень одарённости". Иными словами, та же талантливость, только в "высшей степени" своих проявлений.

Это настолько распространённое понимание "гениальности", что его можно считать господствующим. Иное понимание, сформулированное мимоходом, в полемическом контексте, я встретил только у Э.В.Ильенкова:

"Термин "гений", которым так часто и неосторожно оперирует Д.И.Дубровский, требует некоторого пояснения. "Гений" - это не индивидуальная характеристика человека, каковой является "талант", а скорее определение, так сказать, удельного веса данного индивида в данной социальной среде. Потому-то в ранг "гениев" много раз возводились лица, превосходившие всех других своей грубостью, прямолинейностью, жестокостью и примитивностью психики, а вовсе не подлинной мудростью, человечностью и добротой. Какова "среда", таков и её "гений". Так что "гениев" мы оставим в покое и будем говорить о "талантах". (Э.В.Ильенков. "Психика и мозг" (ответ Д.И.Дубровскому)". "Вопросы философии", 1968, #11.)

Позиция Э.В.Ильенкова куда продуманнее и чётче "господствующей". Она опирается на чёткое различие "гениальности" и "талантливости", позволяя признать "гениальность" главных убийц в истории человечества (вроде Сталина), спокойно отказывая им в какой бы то ни было "талантливости", - и не ломая голову над тем, как они, при всей своей людоедской "гениальности", умудрялись быть весьма примитивными существами.

Что же касается происхождения талантливости, то наиболее распространено - господствует - понимание таланта как "дара". "Дар Природы" или "Дар Божий" - вот самые распространённые варианты ответа на вопрос, что же такое талант. Д.Л.Андреев объединяет оба варианта: "...Талант и даже гениальность - это такие общечеловеческие способности, которые в данной личности достигли высшей степени развития, чем в других, благодаря особенностям её психофизической структуры; особенности же эти телеологически обусловлены формирующей работой тех или иных Провиденциальных сил..." ("Роза Мира", Книга X, глава 1.)

Мне опять важна лишь банальная основа позиции Д.Л.Андреева - понимание таланта как "дара", неважно, физиологического, или божественного, или даже дьявольского происхождения. Главное, что это - "дар", вручаемый нам ещё до нашего рождения. От самой личности зависит разве что использование либо неиспользование этого "дара". Если же до рождения, а то и до зачатия, тебя "даром" обделили, - ничего не поделаешь. Прозябай так...

Проблема происхождения таланта и вообще личности - поле нескончаемой, яростной полемики между диаметрально противоположными, антагонистически несовместимыми позициями. В заключительном абзаце "Психики и мозга" Э.В.Ильенков характеризует эти позиции так:

"...Лучше... предоставить читателю самому решать, какая из двух теоретически исключаящих друг друга позиций ему больше по душе, в какой из них можно надеяться найти опору для работы по созданию условий расцвета личности и, главное, какая из них опирается на действительные факты науки, а какая - на "язык науки", какая - на факты, могущие при нужде быть проверенными (т.е. в принципе воспроизводимыми в аналогичных условиях эксперимента, чего наука, безусловно, требует), а какая - на "смутные намёки", на "ускользающие пока ещё от прямого анализа", т.е. на никем и никогда не наблюдавшиеся, выдуманные "отношения", на догадки о генетических особенностях мозга давно скончавшихся музыкантов и философов да на убийственные аргументы вроде того, что из нас с вами нового Моцарта или Платона сделать нельзя, как строго нас ни наказывай..."

В этом-то всё и дело, что нам больше ПО ДУШЕ: демагогическая апологетика status quo, избавляющая от необходимости, за явной "бесполезностью", какой-либо работы по созданию условий для возникновения и реализации таланта у всех людей с медицински здоровым мозгом - или признание этого status quo ненормальным, так или иначе подлежащим изменению, исправлению, поскольку "даром" таланта обделено большинство людей. Вторая позиция предполагает снятие

ответственности за несправедливое распределение "дара" таланта как с Господа Бога, так и с Матушки Природы. В таком случае, кто же за эту несправедливость ответствен?

Конечно, есть разница, взваливается ли ответственность за редкость "дара" таланта на Природу или Бога. Но и в том, и в другом случае суть одна - апологетическая. Редкость "дара" оправдывается. Так уж, мол, устроено свыше. И от нас тут ничего не зависит. "Из нас с вами нового Моцарта или Платона сделать нельзя, как строго нас ни наказывай..."

Но если ответственность за редкость "дара" таланта взваливается на Природу и-или Бога, то с кого эта ответственность снимается? Очевидно, с нас самих. С общества, членами которого все мы так или иначе являемся. И, таким образом, вопрос сводится к следующему: что нам с вами больше "ПО ДУШЕ" - САМИМ за себя со всеми своими талантами (и со всей своей бесталанностью) отвечать, или искать козла отпущения наших грехов, сваливая ответственность за то, какие мы, - на кого угодно, на что угодно? Хоть на Природу, хоть на Бога, хоть на Дьявола, хоть на космические сверхцивилизации - какая разница? Лишь бы не самим за себя отвечать.

Либо бесконечные поиски козла отпущения наших социальных грехов - либо признание этих грехов, и, как следствие, та или иная конкретная работа по их искуплению, изживанию, устранению.

Наш ли это грех - редкость "дара" таланта, - или чей бы то ни было ещё?

Вот вокруг чего на самом деле спор. Вот почему такая антиномичная поляризация позиций. Надо ли что-то менять нам самим, и как - или пусть всё остаётся как есть, поскольку так уж оно устроено от Природы, от Бога или ещё от каких "высших инстанций"?

И если мы предпочитаем апологетическую позицию, нам демагогии никак не избежать. Ничего не остаётся, как опираться на мифы вместо фактов. Например, на миф об "одинаковости" социальной среды. На выворачивание наизнанку терминологии, на сваливание всего в одну кучу. На то, чтобы Внешнее называть внутренним, а внутреннее - внешним. На благополучное спутывание человеческих способностей - и задатков, предпосылок этих способностей. На то, чтобы телегу (орган) ставить впереди лошади (функции).

Это, кстати, тоже важнейший пункт поляризации позиций: то ли функция создаёт себе орган, то ли орган продуцирует функцию? Что первично - орган или его функция?

Вульгарный ("популярный", как иронически поясняет Э.В.Ильенков в "Диалектике идеального") материализм признаёт первичность органа (его анатомо-физиологического

"устройства") и вторичность функции. Это самая примитивная, но весьма распространённая и агрессивная позиция, с которой Э.В.Ильенков вынужден был полемизировать постоянно, во всех своих основных работах. С ней полемизируют и сколько-нибудь философски грамотные естествоиспытатели, и мистики, и теологи, используя практически ту же самую аргументацию, что и Э.В.Ильенков, но воображая - и убеждая читателя, - будто опровергают философский материализм вообще, а не только вульгарный.

С точки зрения мистически ориентированных и откровенно религиозных мыслителей, по крайней мере некоторых из них, орган - как и всё остальное - Творение Божие. И они вполне могут признать и приоритет функции. Сам Бог может быть понят как функция творчества в чистом виде, создающая, формирующая, творящая себе грандиозный орган в виде Вселенной. Бог - это необходимость творения, или, как говорят браманисты, всемирный закон причинности (Брама). Вселенная - это результат проявления Мировой Первопричины, её грандиозное следствие.

Ведя определённый образ жизни, мы можем перестроить, пересоздать свой организм. То ли по возможности оздоровить его, то ли отяготить новыми и новыми болезнями. Функция создаёт себе орган. А извращённая функция создаёт патологию органа. Правда, называется функция у мистиков и теологов "духом" - то ли добрым, то ли злым... (Святитель Лука в работе "Дух, душа и тело" вообще отождествляет Дух с энергией - самой элементарной, из которой возникают все остальные виды энергии, а затем вся масса (вещество) Вселенной.)

А.В.Мень постулирует приоритет Воли Божией, с которой мы, наделённые Свободой Воли, можем согласовывать или не согласовывать свою личную волю. Отсюда и понятие греха: А.В.Мень определяет грех как противопоставление своей воли - Божьей. Мы живём в мире, через который проходит линия вечного фронта борьбы добра со злом, Бога с Противобогом (дьяволом). Мы вынуждены выбирать, на чьей мы стороне. Выбрав - сознательно или бессознательно - сторону дьявола, мы совершаем грех.

Таким образом, отец Александр Мень возлагает на самих людей ответственность и за их греховность, и за их праведность. Ведь люди свободны в выборе, включаться ли в процесс Божьего Творения, которое вовсе не закончено, продолжается непрерывно, - становиться ли участниками Божьего Творчества, - или вместе с Сатаной противиться ему. Предоставляя свободу воли, Бог тем самым никого ни к чему заранее не предназначил, и за свою судьбу люди должны отвечать сами. На Бога перекладывать эту ответственность

нечего. Сравните это с тем, что говорится ниже (в данной статье) о снятии с Матушки-Природы (с генов) ответственности за социально обусловленные ненормальности человеческой жизни. Точь-в-точь та же логика.

Интересно интерпретирует А.В.Мень и воздаяние за грехи. Никакого "Небесного Трибунала", подобного людским судам, не существует. Воздаяние за грех мы получаем как совершенно естественное и неизбежное следствие наших, противных Воле Божией, действий. Действие равно противодействию, и наши грехи бьют по нам же самим точно так же, как слюна, выплюнутая нами против сильного ветра, оказывается на наших же собственных физиономиях, а камни, подброшенные вертикально вверх, падают на наши же собственные головы. И обижаться за это на Бога нелепо. За что боролись, на то и напоролись...

Словом, А.В.Мень выступает таким же адвокатом Бога, как Э.В.Ильенков - адвокатом Природы, и оба предъявляют и к людям, и к их нелепой "социальной среде" весьма сходные обвинения и требования.

Признание социальной обусловленности всего человеческого в человеке, всех человеческих "функций" человеческого "тела" - это, в сущности, лишь последовательное развитие более общей позиции, признающей первичность функции и вторичность органа в живой природе вообще. Признающей, например, тот факт, что необходимость дышать атмосферным воздухом сформировала лёгкие; необходимость передвигаться по суше превратила плавники в лапы; необходимость вновь вернуться с суши в море трансформировала лапы в ласты, и так далее. Точно так же необходимость жить среди людей, вступать в общественные отношения, сформировала мозг и всю остальную нашу "телесную организацию" как орган специфически человеческих функций - специфически человеческой психики.

Функция - это необходимость действовать тем или иным совершенно определённым образом. Реализация этой необходимости, то есть само действие, без определённым образом устроенного органа, разумеется, невозможна. Но в том-то и дело, что сама настоятельная необходимость действовать так или иначе предъявляет совершенно определённые, весьма жёсткие, требования к устройству органа - и тем самым формирует его. Необходимость прямохождения предъявляет к человеческим ногам иные требования, нежели отсутствие такой необходимости - к задним конечностям четвероногих существ, - и формирует именно человеческие ноги.

Не случайно, полемизируя с вульгарным материализмом, который пытается "понять" мышление из морфологии мозга (а не

эту морфологию - из необходимости мыслить), Э.В.Ильенков и не находит более наглядного сравнения, чем именно с ногами и ходьбой.

"Исследование тех **материальных** (пространственно-определённых) **механизмов**, - пишет Э.В.Ильенков, - с помощью которых осуществляется мышление внутри человеческого тела, то есть анатомо-физиологическое изучение мозга, разумеется, интереснейший научный вопрос, но и самый полный ответ на него не имеет никакого отношения к ответу на прямо поставленный вопрос: "что такое мышление?" Ибо тут спрашивают совсем о другом. Спрашивают не о том, как устроены ноги, способные ходить, а о том, что такое ходьба. Что такое мышление как действие, хотя и неотделимое от материальных механизмов, с помощью коих оно осуществляется, но вовсе не тождественное самим этим механизмам? В одном случае спрашивают об устройстве органа, а в другом - о той функции, которую он выполняет. Разумеется, "устройство" должно быть таково, чтобы оно могло осуществлять соответствующую функцию: ноги устроены так, чтобы могли ходить, но не так, чтобы они могли мыслить. Однако самое полное описание структуры органа, то есть описание его в бездействующем состоянии, не имеет никакого права выдавать себя за хотя бы приблизительное описание той функции, которую он выполняет, за описание того реального дела, которое он делает". (Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., Политиздат, 1984. стр. 37.)

Те или иные функции, **ТРЕБУЮЩИЕ** того или иного устройства органов, обусловлены, в свою очередь, необходимостью как-то выжить, как-то существовать в той или иной среде. Разумеется, одновременно идёт и обратный процесс - самим фактом своего существования, своей жизнедеятельностью, организмы не могут не менять "среду". Человек же может менять её и для себя, и для всей планеты вполне сознательно, целенаправленно. Следовательно, может сам отвечать за свои функции, равно как и их органы. Отвечать за своё духовное, душевное и физическое здоровье. Следовательно, человек и должен, **ОБЯЗАН** брать на себя эту ответственность. Ответственность за то, насколько разумны или безумны отдельные члены общества. Ответственность за устройство, в том числе политическое и экономическое, "социальной среды", за систему образования и воспитания, за чистоту воды и воздуха, наконец. Он может **САМ** за всё это **НЕСТИ** ответственность - а стало быть, **НЕ ВПРАВЕ** от неё увиливать, сваливать её на какие бы то ни было "высшие силы". Иначе нечего претендовать на какую бы то ни было "разумность", гордо именуя себя на учёной латыни Homo Sapiens'ом - "человеком разумным". **ЗВАНИЕ** "разумного

существа" надо заработать, а иначе получается вульгарное самозванство. Заработать же это звание можно только одним путём - очеловечивая свою среду и себя вместе с ней. Беря на себя стопроцентную ответственность за все несовершенства "социума" - и работая, так или иначе, над устранением этих несовершенств. Работая над этим в политике, экономике, экологии, медицине, педагогике, психологии и так далее - каждый на своём месте, каждый в своей области специфически человеческой деятельности.

Именно так и ставит вопрос Э.В.Ильенков, возражая Д.И.Дубровскому в замечательной, незаслуженно забытой, статье "Психика и мозг". Позволю себе длинную выписку, - всё равно лучше Эвальда Васильевича об этом не скажешь...

"Только на этой почве - на почве культуры - и расцветает подлинная оригинальность, подлинная, т.е. специфически человеческая, индивидуальность, которая и называется на языке науки личностью. И плохо дело личности, если единственной гарантией её сохранения будет биологически врождённая особенность. При современном уровне техники значение этой особенности легко сводится к нулю. И пусть себе наслаждается этот нуль приятным сознанием неповторимости своих дезоксирибонуклеиновых субстанций. Никому это сознание не мешает. А помешает - и его можно будет усыпить с помощью фармакологии. А иной гарантии Д.И.Дубровский и не обещает. Иначе почему бы он спрашивал сторонников определяющей роли среды, думая уязвить их этим вопросом: "Непонятно только, почему примерно одна и та же среда порождает такое поразительное разнообразие личностей, диаметрально противоположные характеры и склонности, несовместимые психологические свойства" (цит. ст., стр. 134). (Статья Д.И.Дубровского "Мозг и психика" была опубликована в журнале "Вопросы философии", #8, 1968; цитируемый мною ответ Э.В.Ильенкова опубликован в #11 "Вопросов философии" за тот же год. - А.С.) А по-моему, совершенно понятно, почему это ему "непонятно". По той простой причине, что тут свалено в кучу всё: и те причуды вкуса, которые действительно связаны с тончайшими различиями индивидуальной биохимии (один наслаждается вкусом маслин и запахом резеды, а другого от них тошнит), и такие несовместимые психологические свойства, как, скажем, гений и злодейство, такие диаметрально противоположные характеры, как Моцарт и Сальери.

"Среда - безразлично, какая именно, - мыслится при этом как некий тождественный себе штамп, который, дай ему волю, будет впечатывать в каждый мозг один и тот же образ, а люди с их мозгами - как биологически пассивный материал её однообразно штемпеляющей активности. И только благодаря

некондиционности биологического материала отпечатки эти получаются разные, в чём Д.И.Дубровский и видит спасение от кошмара абсолютного тождества. Разумеется, если "среду" и "людей" понимать так, то аргумент Д.И.Дубровского и в самом деле может показаться убийственным. А что, если среда есть нечто конкретно-историческое, тогда как? Что, если она, хотя и "примерно одна и та же", представляет собою "единство во многообразии", т.е. многообразно расчленяется внутри себя на разные - и даже противоположные - сферы и моменты? Про это важное обстоятельство Д.И.Дубровский, кажется, начисто забыл. Так же, как и про то, что люди не "пассивные объекты воздействий" этой мистически однообразной "среды", а прежде всего активно действующие в рамках предложенных им культурно-исторических обстоятельств индивиды, и что предлагаемые им средой обстоятельства всего лишь "примерно одни и те же", а в рамках этого "примерно" очень и очень различны и даже противоположны.

"Будем логичными. Если про среду сказали, что она "примерно одна и та же", то и про людей надо сказать, что они "примерно одни и те же". Тогда это будет верно. А если про людей говорится, что они разные, то надо быть справедливыми и по отношению к среде. А то в среде видят сплошное "одно и то же", а в людях - только различия. А потом непонятно, какая тут может быть "корреляция".

"Так очень многое станет "непонятным" - не только различия людей, но и тот факт, как эти люди, несмотря на их очевидные различия, всё-таки объединяются в один и тот же класс, в одну и ту же семью. Причём буквально, а не "примерно" одну и ту же... Из биологических различий удастся с грехом пополам понять разве что только семью. Да и то не до конца, и далеко не в главных её "параметрах".

"Не надо сваливать ответственность за социально обусловленные различия на ни в чём не повинную природу. Ни в психических различиях, ни в психическом тождестве людей она ни капельки не виновата. У психических явлений совсем иная "субстанция", чем у мозга, - человеческий труд, коллективная деятельность людей, преобразующая природу, в том числе и природу органического тела самого человека. Природа, создав мозг кроманьонца, сделала всё, что могла, и сделала хорошо: создала чудесный орган, способный ко всему именно потому, что заранее, анатомически он не способен ни к чему, кроме одного - уникальной способности усваивать любые способы работы. А уж какое именно употребление мы из этого чудесного дара природы сделаем - это зависит от нас, и только от нас самих, от высоты развития нашей культуры. Вот и будем лучше заботиться о том, чтобы эта культура (и музыкальная, и философская, и врачебная, и всякая иная) была по возможности

богаче и выше".

Вообще-то Эвальд Васильевич чётко различает термины "способности" и "задатки". Никакие специфически человеческие способности анатомо-физиологически нам не "даны". Они "заданы" культурой, в которой "опредмечены", "воплощены". И в процессе овладения культурой, в заботах о том, чтобы какая бы то ни было наша культура "становилась богаче и выше", способности впервые ВОЗНИКАЮТ, СТАНОВЯТСЯ, ФОРМИРУЮТСЯ, а не просто "развиваются" якобы уже существующие в момент рождения и даже до него.

Это верно даже по отношению к способности ходить. Новорождённый ходить не умеет - он только может научиться ходить, только обладает возможностью обрести способность ходить, овладеть этой способностью.

Если даже ходьбе надо научиться, то тем более надо научиться мышлению, воображению, нравственности! Если даже способность ходить изначально формируется требованиями жизни в обществе и нашими личными усилиями этим требованиям соответствовать, то тем более изначально формируются указанными требованиями и усилиями способности к мышлению, воображению, нравственности!

Способность - это актуальное, уже наличествующее, умение, а не потенция, не возможность уметь. И когда говорят, что ребёнок "способный", "талантливый" или не очень, речь на самом деле должна идти не о том, будто он уже обладает какими-то "врождёнными способностями", а о том, насколько успешно ребёнок учится именно сейчас, о том, насколько успешно он формирует свои способности, овладевая той или иной культурой.

Даже задатки - анатомо-физиологические особенности организма, благоприятные для осуществления той или иной способности, анатомо-физиологические ПРЕДПОСЫЛКИ к её формированию, - тоже могут быть обусловлены социально. Э.В.Ильенков пишет:

"...Относительно связи... микроструктурных различий с различиями "задатков" (а не "способностей", с которыми их путать ни в коем случае нельзя!) мы с Д.И.Дубровским, как и вся мировая наука, не можем высказать абсолютно ничего сколько-нибудь достоверно установленного. Тут мы обеими ногами стоим на зыбкой почве чистых гипотез, допущений и даже гаданий. А на этой почве нам очень не хотелось бы затевать публичный спор.

"Ведь ясно, что можно тысячу лет дискутировать о том, в какой мере наличие того или иного задатка обусловлено генетически-врождёнными особенностями микроструктур головного мозга (а так же некоторых других органов, например, уха и голосовых связок и т.д.), а в какой -

индивидуально-неповторимыми переплетениями макро-и микрообстоятельств, оказавших формирующее воздействие на этот мозг в первые годы, месяцы и даже недели его жизни (т.е. как раз тогда, когда этот мозг и получает специфически человеческое оформление тех самых нейродинамических стереотипов, которые будут ответственны за высшие, "специально-человеческие", регистры психики возникающей личности), и не прийти ни к чему". ("Психика и мозг".)

Апологеты наличного социального хаоса как раз и заинтересованы в том, чтобы длить и длить эту дискуссию, оставляя хаос как есть, не пытаясь его хоть в малой степени гармонизировать.

Если же от бесплодных дискуссий переходить к практической работе по гармонизации социального хаоса, по обогащению и повышению культуры каждого человека, то приходится пересмотреть с позиций определяющей роли социальной среды соотношение между внутренними и внешними факторами, обуславливающими возникновение тех или иных человеческих способностей. И тогда окажется, что к "внешним" условиям этого процесса придётся отнести устройство организма со всеми его индивидуально-неповторимыми микроструктурными особенностями. А "внутренним" условием возникновения каких бы то ни было человеческих способностей придётся признать прежде всего личные усилия каждого человеческого существа по овладению тем или иным пластом наличной общечеловеческой культуры. Личные усилия по самоформированию, саморазвитию, самотворчеству, самосозиданию. Творчество по вступлению в бесконечно разнообразные отношения с обществом, человечеством и через него - со всем остальным Космосом, со всей остальной Вселенной.

Вот такое творчество и есть - ВНУТРЕННЕЕ условие возникновения каких бы то ни было человеческих способностей, тем более - талантов. И личности в целом. Все остальные условия - внешние. Внутреннее условие - собственная активность возникающей (как и высокоразвитой) личности. Внешние - и та "среда", в которой приходится активничать, на вызовы которой этой активностью приходится отвечать; и то "тело", которое только благодаря этой активности превращается в орган личности вплоть до того, что воспринимается как сама эта личность.

Бескомпромиссно ответственная, антиапологетическая позиция Э.В.Ильенкова по вопросу о становлении личности со всеми её задатками, способностями и талантами опирается на диалектику идеального. Эта диалектика исследована Э.В.Ильенковым в соответствующей работе, которая так и называется - "Диалектика идеального". Излагать её

сколько-нибудь подробно здесь невозможно, однако общий вывод можно сформулировать так: идеальное - это очеловеченное материальное, то есть преобразованное в соответствии с человеческими целями, идеями. Потому и идеальное, что - соответствующее идеям. Потому и материальное, что - материал, сырьё, в лучшем случае - полуфабрикат для приведения в соответствие с идеями.

(Не могу удержаться от ассоциации. Телеологическая дефиниция получается очень близкой: идеальное - это материальное, создаваемое и преобразуемое Богом в соответствии с его целями, идеями... Интересно, будут ли против такой дефиниции возражать теологи и близкие к ним мыслители? За такие ассоциации меня могут и не поблагодарить, но таких параллелей много, и они, разумеется, не случайны. Может быть, именно из-за наличия таких параллелей глубоко религиозные философы, с которыми мне приходилось беседовать, ценят Э.В.Ильенкова как "скрыто духовного". Сам Эвальд Васильевич в "Диалектической логике" замечает, что между умным материалистом и умным идеалистом общего куда больше, чем между умным материалистом и материалистом вульгарным. Он это говорит, сопоставляя позиции Гегеля и Маркса.)

Такому преобразованию - очеловечиванию - в процессе вступления в ансамбль всех общественных отношений подлежит и наше тело, унаследованное нами от папы с мамой и более далёких предков. Именно такое преобразование происходит, когда ребёнок учится чему бы то ни было - ходить, пользоваться ложкой, говорить, читать, писать... Не говорю уж о мышлении, воображении, нравственности... И личность, как стопроцентно идеальное "образование" - это очеловеченное тело. То есть тело, умеющее, способное действовать, жить по-человечески. Культурно.

Определение личности как очеловеченного тела - это просто одна из возможных конкретизаций определения идеального как очеловеченного материального. Такое определение личности подразумевается и самим Э.В.Ильенковым в следующих строках работы "Что же такое личность?":

"Плюшкин и Гобсек - уродливые порождения мира частной собственности. Потому-то о них (вернее, личностях подобного типа) можно читать даже в газетах, а не только в сочинениях Гоголя и Бальзака, где они были не просто описаны, но и проанализированы как типичные (тем самым необходимые) фигуры "ансамбля" индивидов, связанных между собой отношениями частной собственности, товарно-денежными отношениями. Гоголь и Бальзак разгадали и раскрыли миру секрет рождения и развития личности этого типа. "Человеческая комедия" и "Мёртвые души" показали, что в Гобсеке и Плюшкине нет ровно

ничего загадочного и мистического. Их психология была художественно точно объяснена именно потому, что это объяснение производилось как тщательный анализ тех фактических отношений между индивидами, того "ансамбля" их взаимоотношений, которые с необходимостью рождают и стимулируют личность совершенно определённого типа, формируя даже внешний облик, даже "сухопарые, как у оленя, ноги", на которых ростовщик весь день бегаёт по Парижу". ("Что же такое личность? - в кн.: Э.В.Ильенков. Философия и культура. М., Политиздат, 1991.)

Так что же такое талант, если не "дар" каких-то внешних по отношению к людям "высших сил"?

Это просто способность к тому или иному творчеству, реализуемая на уровне мастерства. Талантлив - тот, кто сумел стать мастером в своём деле. Кто сумел стать, например, одним из хороших и разных поэтов, хороших и разных музыкантов, педагогов, родителей... пекарей, слесарей, токарей... агрономов, зоотехников... спортсменов... и так далее. Я дразнил студентов, спрашивая, бывают ли "талантливые ноги". (Дались нам с эвальдом Васильевичем эти ноги. А что поделаешь...) Я имел в виду спортсменов-бегунов, танцоров... Талантлив, конечно, сам человек, достигший высот мастерства то ли в беге, то ли в танце. Он при этом и свои ноги сделал "талантливыми" - способными обеспечить решение тех задач, которые стоят перед мастером. И не только ноги, конечно. Всё тело.

Талантливым, то есть мастером своего дела, надо стать. Рождаемся же мы с орудием овладения тем или иным мастерством - нашим телом. В самом по себе этом "орудии" никакое мастерство изначально не заложено. По мере овладения мастерством меняется и "орудие" - специализируется в соответствии с теми задачами, которые приходится по преимуществу решать, в соответствии с тем мастерством, которым человек овладел и преимущественно занимается.

Коль скоро имеет место какая-то "специализация", уменьшается и количество "степеней свободы", и в каких-то направлениях трансформировать "орудие" уже не удастся. Имеет значение, конечно, и состояние здоровья - особенно, насколько наш мозг медицински нормален, а если болен, то каков характер патологии. Но и при хронических болезнях, при инвалидности, можно превратить своё тело в орган, орудие реализации того или иного мастерства. И именно на уровне мастерства - таланта.

"...С точки зрения "специфически человеческих функций", - пишет Э.В.Ильенков, - нервные системы различных типов совершенно равноценны. Проигрывая сангвинуку в быстроте, флегматик компенсирует её основательностью, избавляющей его

от необходимости исправлять допущенные в спешке оплошности, и т.д., так что итог в общем и целом получается у обоих один и тот же. Каждый тип обладает и своими "плюсами", и своими - неотделимыми от них - "минусами", и эти "плюсы" и "минусы" взаимно погашаются, нейтрализуются. Поэтому-то здоровый мозг любого типа в состоянии усваивать любую специфически человеческую способность, и "способных" людей жизнь в любом деле формирует из индивидов всех типов нервной системы. В этом отношении "особенности церебральной архитектоники" - а уж генетические и подавно - столь же безразличны (нейтральны), как и индивидуальные вариации внутри "особенностей" этой архитектоники. В скобках заметим, что речь тут может идти только о новорождённых, ибо "врождённые" особенности мозга можно наблюдать только тут. Уже через месяцы они будут замещены или, во всяком случае, "искажены" благоприобретёнными настолько, что вы не сможете отличить одни от других никакими, сколь угодно совершенными, методами. Визуально, под микроскопом, они будут одинаково выглядеть как "индивидуально-неповторимые вариации" в пределах одной и той же нормы. И если эти вариации за пределы сей нормы выходить не будут, то любой разумный врач-нейрофизиолог скажет вам, что не видит повода для своего вмешательства. Скажет, что его дело - лечить заболевший мозг, а не лезть своим скальпелем в нормальный. Нормальный и сам разовьётся, были бы соответственными все остальные, вне мозга находящиеся, условия". ("Психика и мозг".)

Кроме медицинской, бывает и социальная норма и патология. И понятия таланта и мастерства с этим связаны напрямую. Поэтому не всё равно, что за "мастерство". У понятия таланта, кроме чисто профессионального, есть ещё и этический смысл. Мы признаём талантливость только у мастеров, чьё мастерство имеет в обществе, новомодно выражаясь, "положительный рейтинг". Иными словами, служит (или, во всяком случае, должно служить) социальной норме, а не социальной патологии. Если "мастерство" с "отрицательным рейтингом", если общество вынуждено от такого "мастерства" искать эффективную защиту, то понятие таланта к представителям такого "мастерства" предпочитают не применять. Как-то не звучит - "талантливый вор", "талантливый грабитель", "талантливый бандит", "талантливый убийца", "талантливый палач"... Да и понятие мастерства в этих случаях тоже не стоит применять. Ловкость рук, коварство, вероломство, дьявольская хитрость, дьявольская жестокость, тупость робота...

Как мы читали у Э.В.Ильенкова выше, различая талантливость и гениальность, талант - это понятие,

связанное с "подлинной мудростью, человечностью и добротой". С подлинной социальной нормой, к которой все мы стремимся, которой столь многим из нас не хватает. И мастерство тоже связано с реализацией этой социальной нормы. Если же такой связи нет, понятия таланта и мастерства получают иронический смысл - или вообще неуместны.

Я знаю, что тут мне сразу укажут на тех физиков, которые создали атомную бомбу против Гитлера - разве они были бездарны? Укажут на тех высококвалифицированных рабочих, мастеров своего дела, что заняты на производстве оружия. Сам Эвальд Васильевич был артиллерийским офицером, участвовал в штурме Берлина...

А разве социальная норма, понимаемая как "подлинная мудрость, человечность и доброта", когда-нибудь была реализована в масштабах всего общества? Разве не приходилось, сплошь и рядом, отдавать свой талант, своё мастерство не столько на реализацию социальной нормы, сколько на её защиту, - уж в какой мере она вообще на сегодня реализована?.. Но в любом случае, думается, понятия таланта и мастерства связаны с положительными ценностями общества. Хотя само это общество до сих пор никогда нельзя было признать устроенным нормально, то есть мудро и гуманно. Но так или иначе, в конкретных отношениях между людьми, идеал социальной нормы во всех обществах всегда реализовался - между отдельными людьми, в семье, если не на уровне социума в целом. Всегда были и есть люди, реализующие нормальные - мудрые и гуманные - отношения между собой. Уж насколько позволяет далеко не нормальная "социальная среда". И эти люди когда-нибудь распространят реализуемую ими социальную норму на весь социум. Или этот социум обречён на самоуничтожение.

Именно с ненормальностью наличного социума связана иррациональность проблемы происхождения личности со всеми её талантами. Именно с существованием - и господством! - социальной патологии и её защитников связан тот, отмеченный мною в самом начале данной статьи, факт, что никакие рациональные доводы в споре о происхождении личности никого не убеждают, все участники спора остаются при своём. Ибо Логика, рациональные доводы в этом споре только обосновывают то или иное решение проблемы, подразумеваемое с обеих сторон заранее. Апологетическое - или противоположное, нацеленное на реализацию социальной нормы в масштабах как общества, так и личного образа жизни. Реализацию как политическими и экономическими, так и психолого-педагогическими средствами.

Иррациональность проблемы происхождения личности со всеми её талантами коренится и на индивидуально-психологическом уровне. Одни хотят меняться, а

другие - нет. Одни хотят быть талантливыми, быть мастерами своего дела. У других же "лень вперёд родилась", и байкой о "дарах свыше" они просто эту свою лень, инертность - оправдывают. "Индульгируют", как модно выразиться у некоторых новомодных "мудрецов" и их поклонников. Вот и попробуй убедить не желающих меняться, работать над собой, что на самом деле пусть не всё, да зависит и от них. Они просто не хотят в этом убеждаться. И с энергией, достойной лучшего применений, ищут, за чью бы спину от этой истины спрятаться - за спину Матушки-Природы, за спину Господа Бога, за спину Рока в любом обличье...

Одни предпочитают честно над собой работать, а другие - играть в прятки с самими собой. На каком же языке им договариваться, в чём бы то ни было убеждать друг друга? В итоге - иррациональность. В смысле - бессилие какой бы то ни было рациональной аргументации.

Сам я, вступая в спор о происхождении таланта ещё в подростковом возрасте, за несколько лет до личного знакомства с Эвальдом Васильевичем, - яростно, что называется, всеми печёнками, восстал против концепции таланта как чьего бы то ни было "дара". Меня до глубины души оскорбил тот самый "убийственный аргумент", "что из нас с вами нового Моцарта или Платона сделать нельзя, как строго нас ни наказывай". В моём случае этот "аргумент" прозвучал из уст учительницы литературы в такой редакции: "Ты что, Пушкин?" Вот такой я получил ответ, когда впервые спросил, что такое талант, и можно ли талантливым стать, а не родиться. У меня и тогда хватило ума ответить, что Пушкин тут ни при чём, что мне бы стать самим собой - Суворовым...

Ответ на вопрос, что же такое талант, и зависит ли от меня лично хоть что-нибудь, дабы стать талантливым, - этот ответ мне пришлось искать самостоятельно. К моменту знакомства с Эвальдом Васильевичем Я, в общем, уже определил свою позицию раз и навсегда, и искал только аргументы в её пользу (в полном соответствии с описанной выше "иррациональностью" этой проблемы). Я отбрасывал с порога любые рассуждения о врождённости таланта, и с благодарностью брал на вооружение высказывания писателей и литературных критиков о том, что талант - это работа, работа и ещё раз работа. Работы, во всяком случае увлекательной, творческой, сложной, я не боялся, и мог поэтому надеяться, что талант у меня возникнет.

Точно так же я расправился и с проблемой вдохновения. С отвращением реагировал на любые намёки на то, что вдохновения надо дожидаться сложа руки, а если оно само откуда-то не возьмётся, ничего путного не сотворишь, будь даже самым расталантливый. И с восторгом принимал спокойное

рабочее отношение к этому состоянию: до вдохновения надо просто доработаться. Например, запомнился спор Гоголя с Соллогубом, автором повести "Тарантас": "Да что ж делать, Николай Васильевич, - стонал Соллогуб, - если не пишется?" "А вы пишете! - уговаривал Николай Васильевич. - Сегодня вам не пишется и так далее, наконец надоест и напишется". Я хохотал - и аплодировал Гоголю, презрительно фыркая в сторону Соллогуба.

Но всё это были отдельные высказывания, которые я выстраивал в два ряда: неприемлемые для меня - куда бы подальше, а приемлемые - прямо в сердце. Я отлично понимал, насколько иррационален, субъективен такой подход.

И вот к нам в Загорский детский дом для слепоглухонемых детей приехал Эвальд Васильевич Ильенков. Его привёз Александр Иванович Мещеряков, наверное, вскоре после того, как Эвальд Васильевич защитил докторскую диссертацию. Это было в конце мая 1968 года - месяца за три или четыре до написания "Психики и мозга".

Потом нам стали переписывать рельефно-точечным шрифтом некоторые статьи Эвальда Васильевича, в том числе - я был уже студентом, - "Психику и мозг". Вот тут-то я в его философию и "вцепился". Я нашёл в ней то, что давно искал: всестороннее, на уровне до конца продуманного философского мировоззрения, обоснование посюсторонности таланта. Обоснование того, что талантливым можно и нужно стать. Значит, со мной лично всё в порядке. Стану! Надо только работать. И без малейшего зазрения совести отмахиваться и отплёвываться от всех, кто вздумает меня отговаривать, убеждать в чём-то противоположном.

Прошли десятилетия. Время от времени до меня доходят разговоры о том, что Суворов-де принял всем сердцем ильенковскую философию, во-первых, под могучим воздействием личности философа, а во-вторых - просто потому, что ничего другого не знал, и выбирать, собственно, было не из чего.

Могучее воздействие личности не отрицаю. Я стал духовным сыном Ильенкова - и этим горжусь. А всё остальное - лживые домыслы.

Выбор всегда есть. Даже в самом тоталитарном обществе. Даже в условиях слепоглухоты. (Отец Александр Мень сказал бы, что предоставленной Богом свободы воли - свободы выбора! - нас не может лишить никто и ничто.) В шестидесятые годы, когда я был школьником, как и сейчас, подавляющее большинство людей считало талант "даром". Не Бога, так Природы, дезоксирибонуклеиновых кислот. И проще было к этому господствующему мнению присоединиться.

Вот только я присоединиться не мог. Категорически не хотел.

Мне фантастически повезло, что я встретил Эвальда Васильевича. И ещё больше повезло, что я смог познакомиться с его философией по его произведениям. Я совершенно сознательно присоединился к его философской позиции. Присоединился, потому что именно это мне и было нужно. Именно этого я и искал - ещё задолго до личного знакомства с философом, а тем более - с его работами. Я выбрал это мировоззрение потому, что к нему однозначно подводила меня вся логика моего личностного становления, роста. И если бы работы Эвальда Васильевича остались недоступны мне (а это вполне могло случиться), я обосновал бы тезис, что талантливый стать и можно и нужно, самостоятельно. Хотя бы только для себя, если не в виде теоретического продукта общечеловеческой значимости. А так... Я лишь избавился от необходимости изобретать велосипед.

9 - 15 февраля 2001; 13 января 2002